

Прощаніе съ сестрой мнѣ было болѣе чѣмъ тяжело. Мать и сестра Соня плакали. Левъ Николаевичъ ласково прощался съ нами, и когда Алексѣй захлопнулъ дверцу кареты, я услышала какъ бы стонъ, вырвавшійся у матери, которую привыкла видѣть всегда сдержанной и даже холодной.

Я убѣжала въ свою комнату, опустѣвшую, унылую, гдѣ на диванѣ еще лежало неприбранное вѣнчальное платье.

Я бросилась къ себѣ на постель и, уткнувшись лицомъ въ подушку, горько заплакала. Старшая сестра Лиза шла за мной.

— Таня, — окликнула она меня, — мы теперь съ тобою будемъ дружно жить, хочешь? — тихо и серьезно сказала она.

Прошло нѣсколько томительныхъ, грустныхъ дней, и я получила письмо изъ Ясной Поляны.

Сестра писала мнѣ, какъ она устроилась, какъ все въ Ясной ей нравится, но что она еще не освоилась съ мыслью, что она въ Ясной Полянѣ «дома». Она пишетъ, какъ она окружена любовью и заботами не только мужа своего, но и окружающихъ. Какъ хорошо ей на свѣтѣ жить, и, при этомъ, слѣдующими словами — выражаетъ опасеніе за будущее:

«Боюсь думать о будущемъ, — вѣдь теперь уже не мечтаешь, какъ бывало дѣвой, а прямо знаешь свою судьбу, только страшно, что испортится... Да что, дѣвочка, ты не поймешь; когда выйдешь замужъ, поймешь...».